

ГЕНРИХ
ХАРРЕР

СЕМЬ ЛЕТ В ТИБЕТЕ

*Невыдуманная
история
о человеческом
перерождении*

Великая
и невероятная
книга.

*The New York Times
Book Review*

The Big Book

Генрих Харпер

**Семь лет в Тибете. Моя
жизнь при дворе Далай-ламы**

«Азбука-Аттикус»

1953

УДК 821.112.2(436)
ББК 84(4Авс)-44

Харрер Г.

Семь лет в Тибете. Моя жизнь при дворе Далай-ламы /
Г. Харрер — «Азбука-Аттикус», 1953 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-12426-4

Генрих Харрер (1912–2006) – австрийский альпинист, путешественник и писатель. Его книга «Семь лет в Тибете: Моя жизнь при дворе Далай-ламы», впервые опубликованная на немецком языке в 1952 году, была переведена на 53 языка и послужила основой для двух кинофильмов: британского документального фильма 1956 года и знаменитого американского художественного фильма 1997 года с Брэдом Питтом в главной роли. Благодаря настоящему изданию российский читатель впервые ознакомится с полным текстом книги Генриха Харрера в переводе с немецкого. Авторская интонация и структура текста бережно сохранены. Впервые публикуются фотографии, сделанные во время этого путешествия.

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-389-12426-4

© Харрер Г., 1953
© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

От издательства	7
Предисловие	9
Лагерь для интернированных и попытка побега	11
Ночью идем вперед, днем прячемся в лесу	15
Все перенесенные тяготы напрасны	21
Дерзкий маскарад	25
Тибет не терпит чужаков	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Генрих Харрер

Семь лет в Тибете. Моя жизнь при дворе Далай-ламы

Heinrich Harrer

SIEBEN JAHRE IN TIBET:

MEIN LEBEN AM HOF DES DALAI LAMA

Copyright © The Dormant Estate (hereditas iacens)

of Irmgard Emma Katharina Harrer, 2016

© А. Горбова, перевод, 2016

© Е. Харьков, предисловие, примечания, глоссарий, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Генрих Харрер (1912–2006) – австрийский альпинист, путешественник и писатель, человек удивительной судьбы. С юных лет он не раз бывал на волосок от гибели, но Провидение словно хранило его для главных событий в жизни – путешествия в Тибет и встречи с Далай-ламой XIV, наставником и другом которого он стал.

Харрер сумел рассказать о Стране снегов настолько ярко, что его книга «Семь лет в Тибете» (с подзаголовком «Моя жизнь при дворе Далай-ламы»), впервые опубликованная на немецком в 1952 году, была переведена на 53 языка и послужила основой для двух кинофильмов: британского документального фильма 1956 года и американского художественного фильма 1997 года режиссера Жан-Жака Анно с Брэдом Питтом в главной роли.

Книга Харрера носит автобиографический характер, хотя описанные в ней события, происходившие с 1939 по 1951 год, могут показаться невероятными: побег из лагеря для военнопленных в Британской Индии, путешествие двух изможденных чужестранцев по Западному Тибету, труднейший переход через незнакомые горы, на который решилась бы не всякая хорошо оснащенная экспедиция, и, наконец, жизнь в «запретном городе», столице Тибета Лхасе и близкое знакомство с тибетской элитой и с двором Далай-ламы накануне роковых перемен в судьбе страны.

Одна из самых великих и самых невероятных историй во всей приключенческой литературе.

The New York Times Book Review

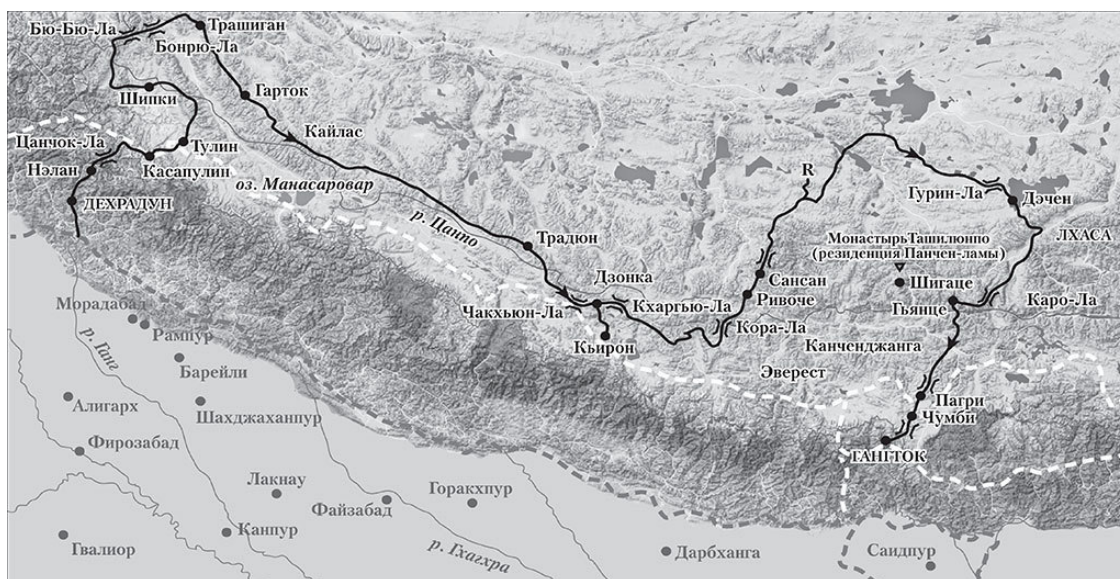
Ты прожил в Тибете семь лет и за это время стал одним из нас.

Далай-лама – Генриху Харреру

Самые высокие горы мира, обитель тибетских божеств, никогда не разрушить... Божества победят!

Генрих Харрер

* * *

От издательства

Генрих Харрер (1912–2006) – австрийский альпинист, путешественник и писатель – человек удивительной судьбы. Сразу же после окончания Грацкого университета в 1938 году в составе немецко-австрийской группы альпинистов он совершил восхождение на Северную стену Эйгера в Швейцарских Альпах, что было одним из величайших спортивных достижений того времени. Все участники восхождения остались живы, хотя риск был очень велик. Генриху Харреру не довелось участвовать в сражениях Второй мировой войны, Провидение словно хранило его для главных событий в жизни – путешествия в Тибет и встречи с Далай-ламой XIV, неофициальным наставником и другом которого он стал.

Тибет уже с первой половины XIX века был отдельной областью научных исследований, привлекал он и любителей эзотерики, но для рядового европейца середины прошлого столетия это была таинственная и во всех смыслах этого слова далекая страна. Генрих Харрер сумел рассказать о Стране снегов доступно и ярко. Несомненно, часть авторского замысла состояла в том, чтобы привлечь внимание мировой общественности к судьбе тибетского народа. И ему это блестяще удалось – его книга «Семь лет в Тибете», впервые изданная на немецком языке в 1952 году (*Sieben Jahre in Tibet. Mein Leben am Hofe des Dalai Lama*. Wien: Ullstein, 1952), была переведена на 53 языка. В 1953 году в Лондоне вышло в свет британское издание, введение к которому написал известный путешественник Питер Флеминг. Годом позже появилось американское издание. Книга послужила основой для двух одноименных фильмов: британского документального фильма 1956 года, режиссером которого был американец Ганс Нитер, и американского художественного фильма 1997 года режиссера Жан-Жака Анно.

Книга «Семь лет в Тибете» носит автобиографический характер, однако написана она в жанре путевых заметок и повествование в ней разворачивается в прямой хронологической последовательности, охватывая период с 1939 по 1951 год. События, описываемые автором, могут показаться невероятными: побег Генриха Харрера и Петера Ауфшнайтера, руководителя немецкой экспедиции на Нанга-Парбат, из лагеря для военнопленных в Британской Индии, их путешествие по Западному Тибету, труднейший переход через плоскогорье Чантан, на который решилась бы не всякая хорошо оснащенная экспедиция, и, наконец, жизнь в «запретном городе», столице Тибета Лхасе.

Глазами Генриха Харрера мы видим заснеженные горные массивы, затерянные в горных долинах деревушки, буддийские святыни и монастыри – некогда запретный для чужеземцев мир. В своем повествовании автор не стремится идеализировать Тибет, однако читателю очевидны его симпатия к тибетскому народу, искренний интерес к тибетским традициям и языку, который Харрер прекрасно освоил за годы, проведенные в этой стране. Из книги «Семь лет в Тибете» можно почерпнуть сведения о политическом и общественном устройстве Тибета, о его истории, религии и культуре, экономике и этносах. Автор оказался свидетелем событий, происходивших накануне лавинообразных перемен в судьбе Тибета и всего Центрально-Азиатского региона, – в своей книге он запечатлел страну перед самым крушением традиционного общества.

Оказавшись в Лхасе в 1946 году после двух лет скитаний, Генрих Харрер и Петер Ауфшнайтер постепенно завоевали доверие и расположение тибетцев и получили уникальную возможность ближе познакомиться с жизнью тибетской элиты: им приходилось встречаться с чиновниками, аристократами, первыми лицами тибетского правительства и родителями Далай-ламы XIV. В 1948 году Генрих Харрер был принят тибетским правительством на официальную службу, получив должность переводчика и фотографа при дворе Далай-ламы. Согласно тибетской административной системе, эти должности соответствовали званию чиновника пятого ранга. Юный правитель Тибета проявлял интерес к культуре и техническим

новшествах зарубежных стран, и Генрих Харрер был его неофициальным наставником, обучая английскому языку, географии и основам естественных наук. Они стали друзьями. Стоит отметить одно удивительное совпадение: они родились в один день – 6 июля. В 2002 году Далай-лама XIV специально ездил в Австрию поздравить своего друга с 90-летием.

Генриху Харреру было суждено еще раз побывать в Тибете в 1982 году, и этой непродолжительной поездке он посвятил книгу «Возвращение в Тибет» (1985). В течение всей жизни он много путешествовал, писал книги и создавал фильмы о своих экспедициях в Гималаи, Анды, Новую Гвинею. Вместе с королем Бельгии Леопольдом III, который увлекался антропологией и энтомологией, он побывал в малоизученных районах Африки, Южной Америки и Юго-Восточной Азии. Итоги своей долгой жизни, столь насыщенной событиями, Генрих Харрер подвел в автобиографии «Моя жизнь», изданной в 2002 году в Мюнхене (*Mein Leben*. München: Ullstein, 2002).

Благодаря настоящему изданию русскоязычный читатель впервые познакомится с полным текстом книги Генриха Харрера, переведенной с немецкого – языка оригинала; в переводе сохранены авторская интонация и структура текста. Впервые в России публикуются и авторские фотографии, что, несомненно, делает это издание еще более ценным. Хотя книга предназначена для широкой аудитории, мы снабдили текст примечаниями и глоссарием, которые могут оказаться полезными для читателя, не слишком сведущего в области тибетских реалий.

Предисловие

Все мечты в жизни берут начало в юности...

С детства куда больше всех школьных знаний меня восхищали дела героев нашего времени: тех, кто отправлялся исследовать доселе неизведанные земли или ставил себе целью, несмотря на все невзгоды и лишения, испытать свои силы в спортивных состязаниях... Моими кумирами были покорители горных вершин Земли, а желание уподобиться им – безгранично.

Но мне не хватало советов и наставлений опытных в этом деле людей. Поэтому прошло много лет, прежде чем я осознал, что никогда нельзя преследовать несколько целей одновременно. К тому времени я попробовал себя практически во всех видах спорта, так и не достигнув результатов, которые бы меня удовлетворяли. В конце концов я направил свои усилия на две дисциплины, всегда нравившиеся мне тесной связью с природой, – лыжи и альпинизм.

Ведь детские годы я провел по большей части в Альпах, а позже всякую минуту, свободную от университетских занятий, посвящал скалолазанию летом и катанию на лыжах зимой. Вскоре небольшие успехи стали подогрывать мое честолюбие, и с помощью усердных тренировок я добился того, что в 1936 году вошел в олимпийскую сборную Австрии. А год спустя выиграл первенство по скоростному спуску на Всемирных студенческих играх.

Во время этих и других гонок я переживал нечто чудесное: пьянящую радость скорости и то волшебное чувство, когда полная самоотдача вознаграждается победой. Но триумф над соперниками и общественное признание победителя не вполне меня удовлетворяли. Мерить свои силы покоренными вершинами – вот что действительно было ценно для меня.

Так что я целые месяцы проводил среди скал и льда и в конце концов настолько натренировался, что уже ни один, даже самый отвесный, склон не казался мне непреодолимым. Конечно, не всегда все шло гладко, и иногда приходилось платить за науку. Однажды я свалился с пятидесятиметровой высоты и только чудом остался жив, а небольшие травмы случались у меня очень часто.

Конечно, возвращение в университет всякий раз было для меня тяжелой обязанностью. Хотя грех было жаловаться: в городе библиотеки давали мне возможность прочесть огромное количество литературы об альпинизме и путешествиях. И в процессе чтения этих книг из первоначального хаоса смутных желаний у меня все четче стала выкристаллизовываться большая цель, мечта всех настоящих скалолазов – принять участие в экспедиции в Гималаи.

Но как мог никому не известный человек вроде меня надеяться на исполнение этой мечты? Гималаи! Ведь чтобы туда попасть, нужно было либо иметь огромные деньги, либо, по крайней мере, принадлежать к той нации, чьи сыны – в те времена – имели возможность получить назначение в Индию на государственную службу.

А для человека, который не подходил ни под одну из этих категорий, оставался только один путь: привлечь к себе общественное внимание, чтобы при появлении возможности, чрезвычайно редкой для «постороннего», соответствующие инстанции просто не могли бы проигнорировать его.

Но что же я мог сделать? Разве альпийские вершины не были давно покорены? Разве их хребты и стены уже многократно не преодолевались иногда невероятно дерзкими экспедициями?.. Но нет – осталась одна-единственная стена, самая высокая и самая сложная из всех, – Северная стена Эйгера.

Эту стену высотой две тысячи метров не покоряла еще ни одна связка альпинистов. Все попытки подняться на нее до сих пор терпели неудачу, и многим это стоило жизни. Вокруг каменной глыбы сложился целый венок легенд, а правительство Швейцарии даже издало специальный указ, запрещающий восхождение на эту горную стену.

Без сомнения, это была именно та сложная задача, которую я искал. Лишить ореола неприступности Северную стену Эйгера – вот что могло стать подтверждением моего права на Гималаи... Решение отважиться на это казавшееся почти безнадежным предприятие созрело во мне далеко не сразу. То, как мне вместе с моими товарищами Фрицем Каспереком, Андерлем Хекмайером и Вигерлем Фёргом в 1938 году удалось покорить эту страшную стену, описано во многих книгах.

Осень того года я провел в дальнейших тренировках, а мое усердие подогревалось надеждой, что меня пригласят принять участие в немецкой экспедиции на Нанга-Парбат, запланированной на лето 1939 года. Но казалось, этой мечте не суждено сбыться, потому что уже наступила зима, а никакого движения все не было. Для участия в разведывательной экспедиции на эту роковую гору в Кашмире были выбраны другие альпинисты, а мне не оставалось ничего другого, как с тяжелым сердцем подписать контракт на участие в съемках фильма о горнолыжниках.

Съемки шли полным ходом, когда внезапно меня позвали к телефону. Я получил столь желанное приглашение участвовать в экспедиции в Гималаи! И отправляться в путь нужно было уже через четыре дня! Решение я принял, ни секунды не раздумывая. Я немедленно разорвал контракт с киностудией, спешно отправился в свой родной Грац, где провел день в сборах, а уже на следующий ехал через Мюнхен в Антверпен вместе с Петером Ауфшнайтером, руководителем немецкой разведывательной экспедиции 1939 года на Нанга-Парбат, и остальными участниками этого предприятия – Луцем Хиккенем и Гансом Лобенхоффером.

До того предпринималось уже четыре попытки подняться на вершину Нанга-Парбата – ее высота 8125 метров, – и все они оказались безрезультатны. Более того, они стоили многих жизней, так что было принято решение искать для восхождения новые маршруты. Их разведка и была нашей задачей, потому что на следующий год планировалась новая попытка покорить эту вершину.

Во время этой поездки к Нанга-Парбату я окончательно был пленен магией Гималаев. Красота этих гигантских гор, необъятные просторы этой страны, непохожие на нас обитатели Индии – все это действовало на меня с неописуемой силой.

С тех пор прошло много лет, но Азия все еще не отпустила меня. О том, как это произошло, я попытаюсь рассказать в своей книге, а так как писательского опыта у меня нет, я буду излагать лишь голые факты.

Лагерь для интернированных и попытки побега

В конце августа 1939 года наша разведывательная экспедиция подошла к концу. Нам действительно удалось отыскать новый маршрут для восхождения, и мы уже ждали в Карачи фрагтовое судно, которое должно было доставить нас обратно в Европу. Корабль опаздывал, а грозовые тучи Второй мировой войны сгущались все сильнее. Поэтому Хиккен, Лобенхоффер и я решили попытаться избежать сетей, которые уже начала расставлять тайная полиция, и найти способ скрыться. Только Ауфшнайтер остался в Карачи – он, которому довелось участвовать в Первой мировой войне, единственный из нас не верил в возможность второй...

Мы, остальные, планировали добраться до Персии, чтобы оттуда отправиться на родину. Нам без труда удалось оторваться от наших «соглядатаев» и, преодолев несколько сот километров пустыни в скрипучем автомобиле, добраться до Лас-Бела, маленького ханства к северо-западу от Карачи. Но там судьба настигла нас: вдруг – под предлогом того, что нам необходима личная охрана, – к нам приставили восемь солдат. Практически это означало не что иное, как арест. И это притом, что на тот момент Германия и Британское Содружество наций еще не находились в состоянии войны.

С этим надежным конвоем очень скоро мы оказались снова в Карачи, где вновь увиделись с Петером Ауфшнайтером. А через два дня Англия действительно объявила Германии войну! Потом события развивались молниеносно: всего через пять минут в саду гостиницы, где мы сидели, появились двадцать пять до зубов вооруженных индийских солдат и арестовали нас. На полицейской машине нас доставили в уже подготовленный, обнесенный колючей проволокой лагерь. Но это был только транзитный пункт, потому что через две недели нас перевезли в большой лагерь для интернированных в Ахмеднагаре, недалеко от Бомбея.

Теперь мы сидели в тесных палатках и бараках, слушая нескончаемые жаркие споры других заключенных... Да, этот мир был бесконечно далек от светлых, пустынных вершин Гималаев! Свободолюбивому человеку в лагере было очень тяжело. Так что я сразу же начал добровольно искать работу, чтобы разведать возможности побега и подготовить для него все необходимое.

Конечно, не один я вынашивал подобные планы. Вскоре с помощью единомышленников нам удалось найти компасы, наличные деньги и карты, которые не были замечены и конфискованы при обыске. Мы раздобыли даже кожаные перчатки и ножницы для разрезания колючей проволоки. Исчезновение этих ножниц со склада у англичан повлекло за собой тщательный обыск, который, однако, не дал результатов.

Так как мы все верили в скорое окончание войны, то постоянно откладывали побег, до тех пор, пока однажды нас не стали переводить в другой лагерь. В Деолали нас должна была везти целая колонна грузовиков под конвоем. В каждой машине сидело по восемнадцать заключенных, а в качестве охраны – один-единственный индийский солдат с пистолетом, прикрепленным цепью к поясному ремню, чтобы никто не мог завладеть этим оружием. А в голове, середине и хвосте колонны ехали грузовики, полные конвойных.

Мы с Лобенхоффером еще в лагере твердо решили бежать, не дожидаясь, пока нас доставят на новое место, где нашим планам могли угрожать новые сложности. Так что мы с ним заняли задние места машины. Нам повезло: дорога оказалась очень извилистой и время от времени нас окутывали густые облака пыли. Это должно было дать нам шанс незаметно выпрыгнуть из кузова и исчезнуть в ближайших лесах. То, что бегство заметит конвойный нашей машины, было маловероятно: очевидно, его главная задача состояла в наблюдении за автомобилем, ехавшим впереди. На нас он оглядывался лишь изредка.

В таких условиях побег не казался нам таким уж сложным делом, и мы рискнули отложить его на самый последний момент, какой только можно было себе представить. Бежав, мы

хотели добраться до нейтрального португальского анклава,¹ который находился практически в том же направлении, куда нас везли.

Наконец настало время действовать. Мы спрыгнули на землю, и я уже лежал в небольшой ложбинке за кустом в двадцати метрах от дороги, как вдруг, к моему ужасу, вся колонна остановилась. Резкие свистки, крики и снующие с другой стороны конвойные не оставляли сомнений в том, что произошло: Лобенхоффера заметили. А так как рюкзак со всем снаряжением был у него, мне не оставалось ничего иного, как отказаться пока от побега. К счастью, мне удалось среди общей суматохи быстро забраться обратно на свое место в грузовике, и никто из солдат моих перемещений не заметил. Товарищи знали, конечно, что я тоже выпрыгивал, но они не выдали меня.

И вот я увидел Лобенхоффера: он стоял с поднятыми руками перед рядом штыков! Я был в отчаянии, меня охватила страшная тоска. При этом мой друг был совершенно не виноват в постигшей нас неудаче. У него что-то брякнуло в тяжелом рюкзаке, который он держал во время прыжка в руках. Этот шум привлек внимание нашего конвойного, и Лобенхоффера поймали, прежде чем он смог скрыться в джунглях.

Из этого инцидента мы вынесли горький, но очень полезный урок: даже при совместной попытке бегства каждый должен иметь при себе полный комплект снаряжения.

В том же году нас вторично перевели в другой лагерь. По железной дороге нас перевезли к подножию Гималаев, в самый большой в Индии лагерь для интернированных, расположенный в нескольких километрах от города Дехрадун. Немного выше этого города находится горная станция Массури, где отдыхают летом англичане и богатые индийцы, такие места называют еще «хиллстейшн». Наш лагерь состоял из семи больших флигелей, каждый из которых был обнесен двойным ограждением из колючей проволоки. Вокруг всего лагеря – еще два ряда такой колючей сетки, а между ними – проход для постоянно патрулирующих периметр караульных.

Для нас это была совершенно новая ситуация. Раньше, когда мы находились в лагерях, расположенных внизу, на равнине, разрабатывая планы побегов, мы всегда в качестве цели видели одну из нейтральных португальских колоний. А здесь прямо перед нами лежали Гималаи. Как заманчива для альпиниста была идея перевалить через эти горы и добраться до находящегося по ту сторону Тибета! В качестве конечной цели мы видели в таком случае японские позиции в Бирме² или в Китае.

Но такой побег, конечно, требовал очень основательной подготовки. К этому времени надежды на скорый конец войны уже улетучились, так что я начал систематически готовиться к этому предпринятию. Возможность бежать через густонаселенную Индию я не рассматривал, потому что для этого необходимыми условиями были наличие большого количества денег и прекрасное знание английского языка, а ни того ни другого у меня не имелось. Так что Тибет, где населения мало, был для меня практически очевидным вариантом. Да еще через Гималаи! Даже если бы мой план с треском провалился, уже сама по себе перспектива провести какое-то время на свободе в горах оправдывала для меня риск предпринятия.

Для начала я выучился немного говорить на хиндустани, по-тибетски и по-японски, чтобы иметь возможность объясняться с местными жителями. Потом внимательно изучил все имевшиеся в библиотеке лагеря путеводители по Азии, особенно по тем областям, через которые мог проходить мой предполагаемый путь, я сделал оттуда выписки и скопировал важнейшие карты. У Петера Ауфшнайтера, который тоже в итоге оказался в Дехрадуне, сохранились наши экспедиционные заметки и карты. Он с неиссякаемым усердием продолжал работать над

¹ Некоторые колониальные владения Португалии, когда-то составлявшие часть Португальской Индии, такие как Диу, Даман, Гоа, просуществовали до 1961 г. – *Примеч. ред.*

² В ходе Второй мировой войны, в 1941 г., преодолев сопротивление британских и китайских войск, японцы вошли в Бирму, где создали хорошо укрепленные позиции; японцы были разгромлены и изгнаны из Бирмы британцами только в 1945 г. – *Примеч. ред.*

ними и бескорыстно передал в мое распоряжение все свои наброски. Я сделал по две копии этих материалов: одну – чтобы пользоваться во время побега, вторую – запасную, на случай если оригинал по какой-то причине будет утрачен.

Не менее важна для успеха задуманного была и физическая подготовка. Поэтому я ежедневно по несколько часов посвящал занятиям спортом. Вне зависимости от погоды я прилежно выполнял норму, которую сам же себе и назначил. Кроме того, некоторые ночи я совсем не спал, пытаясь изучить привычки караульных.

Но больше всего меня беспокоила сложность совсем другого рода: у меня было слишком мало денег. И хотя я продал все, без чего мог обходиться, вырученных средств явно не хватало для удовлетворения даже самых скромных потребностей в Тибете, не говоря уже о совершенно необходимых в Азии подарках и взятках. Но я продолжал систематически работать, и некоторые мои друзья, сами не планировавшие побега, помогали мне.

В первое время пребывания в лагере я не давал так называемую подписку, обеспечивающую право на временный выход из лагеря, чтобы, если мне представится возможность бежать, не чувствовать себя связанным словом чести. Но здесь, в Дехрадуне, мне все-таки пришлось подписать этот документ – ведь «прогулки» были необходимы для исследования окрестностей лагеря.

Изначально я думал бежать один, чтобы ни с кем не считаться и ни на кого не ориентироваться, ведь это могло бы отрицательно повлиять на результат. Но однажды мой друг Рольф Магенер рассказал мне, что один итальянский генерал строит планы, очень похожие на мои. Я и раньше слышал об этом человеке, так что в одну прекрасную ночь мы с Рольфом перелезли через забор из колючей проволоки в соседний флигель, где жили сорок итальянских генералов.

Моего будущего спутника звали Маркезе, и на вид он был типичный итальянец. Ему было немного за сорок, сложение у него было стройное, манеры – приятные, одежда по нашим меркам казалась весьма элегантной. Но прежде всего на меня произвела впечатление его отличная физическая форма.

Поначалу нам было довольно сложно общаться. Он не говорил по-немецки, я – по-итальянски, а по-английски мы оба знали мало. Так что мы начали беседовать с помощью одного друга, на ломаном французском. Маркезе рассказал мне про Абиссинскую войну³ и про свою прошлую попытку бежать из другого лагеря для интернированных.

К счастью, он, получавший жалованье английского генерала, недостатка в деньгах не испытывал. Кроме того, у него была возможность достать для совместного побега такие вещи, о которых я даже и не мечтал. А ему нужен был партнер, спутник, который бы хорошо знал Гималаи... Так что мы решили объединиться и распределить обязанности: на мне лежала ответственность за разработку плана действий, а он должен был обеспечить нас деньгами и снаряжением.

По несколько раз в неделю я перелезал через забор из колючей проволоки, чтобы обговорить с Маркезе новые детали. Так что скоро я стал настоящим экспертом по преодолению подобных препятствий. В принципе, тут было много разных возможностей, но в нашем случае одна казалась мне особенно перспективной. Дело в том, что примерно каждые восемьдесят метров обе окружающие весь лагерь комплекс колючие сетки были накрыты островерхими соломенными навесами, под которыми караульные спасались от жаркого индийского солнца. Если перелезть через одну из таких крыш, то два ряда забора будут преодолены одним махом.

В мае 1943 года мы закончили все приготовления. Деньги, легкая, но калорийная еда, компас, часы, обувь и маленькая альпинистская палатка – все необходимое было собрано.

³ Речь идет о Второй итало-эфиопской (Абиссинской) войне 1935–1936 гг., в результате которой Эфиопия была аннексирована Итальянским королевством и включена в состав Итальянской Восточной Африки (1936–1941). – *Примеч. ред.*

В одну из ночей мы решили попытать счастья. Я перелез привычным путем через забор во флигель к Маркезе. Там у нас была приготовлена лестница, которую мы уже давно припрятали во время небольшого пожара в лагере. Мы прислонили ее к стене и стали ждать в тени одного из бараков. Было около полуночи, через десять минут должны были смениться караульные. Но пока что они вяло ходили туда-сюда, явно с нетерпением ожидая смены. Прошло несколько минут, прежде чем они дошли до выбранного нами места. Как раз в это время над чайными плантациями медленно начала подниматься луна. Большие электрические прожекторы бросали короткие двойные тени. Мы поняли: сейчас или никогда!

Дождавшись, когда оба караульных отойдут от нас на максимальное расстояние, я разогнулся, покинул свое укрытие и с лестницей в руках поспешил к забору. Я прислонил лестницу к свешивавшейся вовнутрь части сетки, поднялся и перерезал закрепленную сверху колючую проволоку, которая преграждала выход на соломенную крышу. Маркезе длинной железной рогатиной отодвинул остатки проволоки, и я шмыгнул на крышу.

Мы договорились, что итальянец поднимется сразу после меня, а я руками раздвину проволоку, чтобы он смог пролезть наверх. Но Маркезе не поднимался, он промедлил несколько зловещих секунд: ему показалось, что момент упущен и караульные слишком близко... И действительно, я уже слышал их шаги! Так что мне пришлось прервать его размышления, я тут же схватил своего товарища под мышки и одним рывком вытащил на крышу. Мы перебрались через конек и тяжело плюхнулись вниз, на свободу.

Операция прошла не совсем бесшумно. Караульные подняли тревогу. Но когда их первые выстрелы прорезали ночь, нас уже скрыли густые джунгли.

Едва оказавшись в лесу, Маркезе, дав волю своему южному темпераменту, стал обнимать и целовать меня, но момент для радостных излияний был не самый подходящий. В небо взмывали осветительные ракеты, а по близким свисткам было ясно, что за нами гонятся по пятам. Мы помчались изо всех сил, спасая свои жизни, и действительно проделали довольно большое расстояние напрямик по тропинкам, которые я хорошо изучил во время своих разведывательных вылазок в джунгли. Дорогами мы пользовались мало, а от редких попадавшихся по пути деревень старались на всякий случай держаться подальше. Поначалу мы почти не чувствовали рюкзаков, но со временем груз за плечами становился все ощутимее.

В одной из деревень жители били в барабаны, и мы тут же вообразили, что это сигнал тревоги. Все это были сложности, которые совершенно невозможно представить себе в стране с исключительно белым населением. Ведь в Азии сагибы путешествуют только в сопровождении слуг и никогда самостоятельно не носят даже самый легкий багаж. Представьте, как должны были привлекать внимание двое тяжело нагруженных европейцев, бредущих по лесу пешком!

Ночью идем вперед, днем прячемся в лесу

Мы решили идти по ночам, потому что индийцы в темноте боятся заходить в джунгли – из-за хищников. Нам, конечно, это тоже было не очень-то по душе, ведь мы не раз читали в разреженных в лагере газетах истории о людях, разорванных в клочья тиграми и пантерами...

Когда забрезжил рассвет, мы, совершенно вымотанные, спрятались в каком-то овраге. Там за сном и едой мы провели весь невыносимо жаркий день, в течение которого мы видели только одного человека, да и то лишь издали, – это был пасший коров пастух. К счастью, он нас не заметил. Хуже всего было то, что у каждого из нас было всего по одной бутылке воды, и ее приходилось растягивать на весь день, ведь выходить из укрытия мы опасались.

Неудивительно, что под вечер, после долгого сидения на месте и молчания, нервы у нас были на пределе.

Нам хотелось двигаться вперед как можно скорее, и ночи казались нам слишком короткими. Мы собирались добраться до Тибета кратчайшим путем, через Гималаи, а на это ушло бы в любом случае несколько недель сложнейших переходов, прежде чем мы смогли бы почувствовать себя в безопасности.

Но первый хребет мы все-таки преодолели в первый же вечер после побега. Наверху мы присели передохнуть. В тысяче метров под нами мерцали бесчисленные огни лагеря. Ровно в десять вечера все они погасли. Только по прожекторам по периметру было видно, как велика его территория.

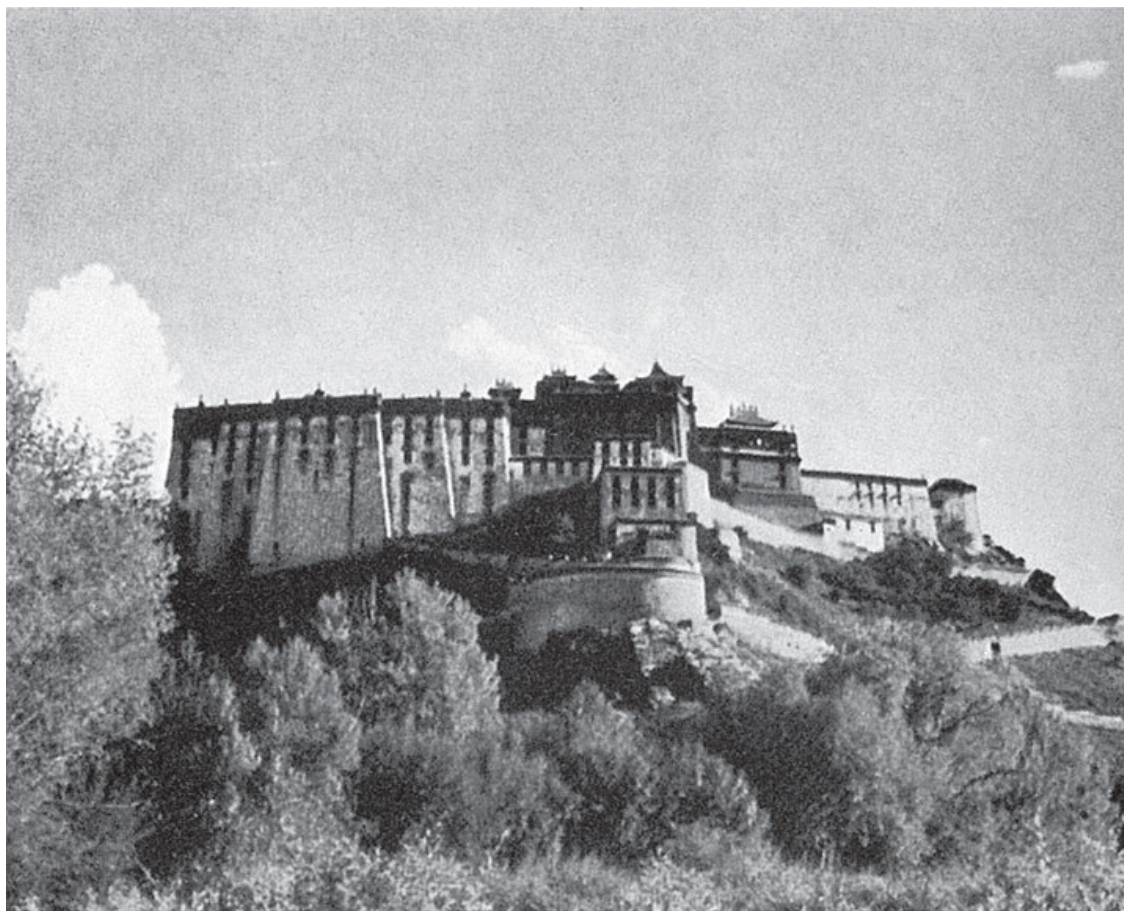
Тогда я в первый раз в жизни по-настоящему ощутил, что значит быть свободным. Мы наслаждались этим чудесным чувством и с сожалением думали о тех двух тысячах заключенных, которые остались там внизу, за колючей проволокой.

Но долго предаваться размышлениям было нельзя. Нужно было двигаться дальше, спускаться в долину реки Джамны, совершенно нам неизвестную. Внизу, в одной из поперечных долин, нам встретилось узкое ущелье, через которое было невозможно перебраться в темноте, и нам пришлось ждать до утра. Это было такое уединенное место, что я не раздумывая решил прямо там заняться покраской в черный цвет своих от природы светлых волос и бороды. Рукам и лицу я тоже придал смуглый оттенок с помощью смеси из марганцовки, коричневой краски и жира. После этого я стал более или менее походить на индийца, что было очень важно, ведь мы рассчитывали, если нас обнаружат, выдавать себя за путешественников, совершающих паломничество к святому Гангу. Что касается моего товарища, то он от природы был достаточно смугл, чтобы, по крайней мере с некоторого расстояния, не привлекать внимания. А позволять рассматривать себя вблизи нам обоим было совершенно противопоказано.

Мы снова двинулись в путь еще до рассвета. И очень скоро пожалели об этом, потому что, пройдя непроезжий участок ущелья, наткнулись на возделывавших рис крестьян – полуголые люди работали, стоя по колено в мутной воде. Они явно крайне удивились, увидев нас двоих с рюкзаками за плечами. А потом стали показывать пальцами вверх, на отвесный склон, где в вышине виднелась их деревня. Судя по всему, они давали понять, что это единственный выход из ущелья. Чтобы избежать неудобных вопросов, мы как можно быстрее свернули в указанную ими сторону и после многочасовых подъемов и спусков наконец добрались до Джамны.

Потала, дворец Далай-ламы в Лхасе. Первое впечатление паломника, входящего в город через украшенные тремя ступами Западные ворота

Вид Поталы с севера

Тибетская деревня в Гималаях

В лодке из ячьей шкуры по Брахмапутре (тибетское название – Цанпо)

Тем временем стемнело. План у нас был такой: двигаться вдоль Джамны до ее притока Аглара, а потом вдоль него – до водораздела. Оттуда уже не должно быть далеко до Ганга, а он, в свою очередь, выведет нас к Гималаям.

До сих пор большую часть пути мы проделали по совершенно нехоженным местам, только изредка, вдоль рек, удавалось идти рыбацкими тропинками. К утру Маркезе совершенно выбился из сил. Я сварил ему овсяную кашу на воде с сахаром, и он, повинувшись моим настояниям, немного поел. К сожалению, место, где мы остановились, было самое неподходящее для лагеря, какое только можно себе представить: кругом все кишело огромными муравьями, которые кусались, глубоко впиваясь в кожу. И так как, несмотря на всю нашу усталость, спать в этом месте было невозможно, день казался нам бесконечным.

Под вечер Маркезе воспрянул духом, и во мне затеплилась надежда, что и его физическое состояние улучшилось. Да и сам он был полон решимости стойко сносить все тяготы предстоящей ночи. Но уже вскоре после полуночи силы у него иссякли – он просто физически не был готов к таким нагрузкам. Тут нам обоим очень пригодились мои регулярные тренировки: иногда я нес и его рюкзак, навьючив сверху на свой. Кстати, на оба наших рюкзака мы сверху натянули обычные для этих мест джутовые мешки, ведь рюкзаки, такие привычные у нас на родине, тут сразу же возбудили бы подозрения.

В следующие две ночи мы продолжали двигаться вверх по течению, то и дело идя по Аглару вброд, когда джунгли или скальные обрывы не давали пройти по суше. Один раз, когда мы отдыхали между валунов в русле реки, мимо проплыли рыбаки, но нас они не заметили.

В другой раз, опять наткнувшись на рыбаков и уже не имея возможности от них скрыться, на ломаном хиндустани мы попросили несколько форелей. Наша маскировка оказалась достаточно хороша: эти люди продали нам рыбу, ничего не заподозрив, и даже приготовили нам ее. Нам удалось достойно, не возбуждая недоверия, ответить на их вопросы и удовлетворить любопытство. Беседуя с нами, рыбаки курили маленькие, непривычные для европейцев индийские сигареты. Маркезе, до побега бывший заядлым курильщиком, не смог устоять перед искушением и попросил одну штучку. Но стоило ему сделать пару затяжек, и он, как подкошенный, упал без сознания!

К счастью, он скоро пришел в себя, и мы смогли продолжить путь. Потом мы еще встретили крестьян, которые несли продавать масло в город. К тому времени мы так осмелели, что сами заговорили с ними и попросили продать немного масла. Один из крестьян тут же согласился – но, когда этот индеец своими темными, грязными руками стал перекладывать полурастаявшее от жары масло из своего горшка в наш, нас обоих едва не стошнило от омерзения.

Наконец долина расширилась, и перед нами раскинулись рисовые и злаковые поля. Теперь стало еще сложнее находить хорошие места для дневок. Один раз местные жители обнаружили нас еще до полудня, и, так как они задавали слишком много бестактных вопросов, лучшим ответом нам показалось быстро сложить вещи и двинуться дальше.

Не успели мы найти новое укрытие, как наткнулись на восьмерых мужчин, которые громкими криками вынудили нас остановиться. Нам уже стало казаться, что удача окончательно отвернулась от нас. На бесчисленные вопросы этих людей я снова и снова повторял, что мы паломники из отдаленной провинции. К нашему удивлению, нам, по-видимому, как-то удалось выдержать «экзамен», потому что через некоторое время индийцы отпустили нас, и мы беспрепятственно двинулись дальше. Мы никак не могли поверить своему счастью, и нам еще долго чудились за спиной шаги, будто кто-то нас преследовал...

Хорошо, что мне пришлось в голову на последней нашей дневке обновить свой «окрас»! Но день этот был какой-то заколдованный – неожиданности никак не прекращались. Под вечер нас ждало большое разочарование: хотя мы и прошли какой-то водораздел, в долину Джамны так и не попали. А это означало как минимум два дополнительных дня пути.

Тропинка снова вела нас вверх. Теперь мы шли через густые рододендроновые леса, которые казались настолько пустынными, что у нас появилась надежда провести хоть один день спокойно. Наконец-то можно будет хорошенько выспаться! Но скоро мы завидели вдали пастухов с коровами – пришлось сниматься с лагеря. Нормально поспать снова не удалось.

В следующие ночи мы опять шли по сравнительно малонаселенной местности. Но, к сожалению, мы быстро поняли, почему в этих местах так пустынно: там практически не было воды! Мы тогда так сильно страдали от жажды, что я допустил одну большую ошибку, у которой были серьезные последствия: едва завидев небольшой водоем, я тут же, безо всяких мер предосторожности, бросился к долгожданной влаге и стал пить огромными глотками.

Последствия были ужасны. Это была одна из тех луж, в которых, спасаясь от жары, по многу часов проводят буйволы, и поэтому в них по большей части не вода, а моча. Я сильно закашлялся, потом меня стошнило, и я еще долго не мог прийти в себя после этого отвратительного «лимонада».

Скоро после этого происшествия мы так ослабели от жажды, что больше идти не могли и нам пришлось лечь, хотя стояла еще глубокая ночь. Когда забрезжил рассвет, я один полез вниз по отвесным склонам в поисках воды. Следующие три дня и ночи были немногим лучше. Мы шли по сухим сосновым лесам, которые, к нашей великой радости, были пустынно – людей мы там видели очень редко и сами всегда оставались незамеченными.

На двенадцатый день после побега из лагеря наступил наконец великий момент: мы добрались до Ганга! Самого набожного индуса вид этой священной реки не растрогал бы больше, чем нас тогда, – хотя для нас эта река имела вовсе не религиозное, а сугубо практи-

ческое значение. Теперь мы могли следовать паломническими маршрутами вверх по течению, до самого истока Ганга, что должно было сделать наш путь заметно проще. По крайней мере, так нам представлялось... Прodelав такой долгий и трудный путь, нам больше не хотелось подвергаться неизбежному прежде риску. Мы решили идти исключительно ночью.

Правда, с провиантом дела у нас обстояли плачевно. Наши запасы подошли к концу, от бедного Маркезе остались кожа да кости, но он держался молодцом. К счастью, сам я чувствовал себя относительно свежо, и внутренних резервов у меня было еще достаточно.

Единственной нашей надеждой были чайные и продуктовые лавки, которые то и дело попадались вдоль паломнического пути. Некоторые из них бывали открыты и поздним вечером – об этом возвещал тусклый огонек масляной лампы. Я обновил свой «макияж» и направился к одной из лавок... Но не успел я переступить порог, как послышались яростные ругательства, и мне пришлось отойти. Очевидно, меня приняли за вора! Конечно, это было очень неприятно, но зато я теперь точно знал: мой грим действительно убедителен!

Остановившись около следующей лавочки, я сразу вынул все имевшиеся у меня деньги и зашел внутрь, держа их как можно приметнее в руках. По-видимому, это произвело хорошее впечатление. В лавке я сказал, что меня отрядили купить еды на десять человек – надо было как-то объяснить, зачем мне одному сорок фунтов муки, тростникового сахара и лука.

Но торговцы гораздо больше заинтересовались выяснением подлинности денежных купюр, чем моей персоной. Так что скоро я, тяжело нагруженный, покинул лавку. В тот день мы были счастливы: наконец-то у нас было достаточно еды, а паломнический путь казался нам – после «дорог», по которым мы ходили до того, – лучше всякого променада.

Но радость продлилась недолго. Уже на следующем привале нас вспугнули местные жители, собиравшие хворост. Было очень жарко, и Маркезе лежал на земле полуголый; он так похудел, что можно было пересчитать все ребра. Он выглядел больным. Но все равно мы, конечно, вызывали подозрения, потому что остановились вдали от обычных паломнических стоянок. Индийцы пригласили нас пойти с ними на ферму, но этого мы по очевидным причинам совсем не хотели и отговорились недомоганием Маркезе.

Тогда эти люди ушли – но, к сожалению, скоро появились опять. И на этот раз не оставалось сомнений, что они сочли нас беглецами: они попытались нас шантажировать! Стали говорить о каком-то англичанине, который в сопровождении восьми солдат якобы ищет двух беглецов и пообещал хорошее вознаграждение за любые сведения о них. Но если мы дадим им денег – они будут молчать... Я остался тверд и настаивал на том, что я – врач из Кашмира, а в качестве доказательства показал свою аптечку.

Не знаю, что их убедило – стоны Маркезе, к несчастью совершенно неподдельные, или разыгранный мною спектакль, – как бы то ни было, индийцы снова ушли. Но мы еще долго опасались их возвращения, быть может, в сопровождении должностных лиц. Однако больше нас никто не беспокоил.

В светлое время суток нам не удавалось как следует отдохнуть, и часто дни оказывались утомительнее ночей. Причем не только для мышц, но и для нервов, которые у нас и так были постоянно на пределе. К полудню мы выпивали всю воду из бутылок, после чего остаток дня тянулся бесконечно. Но Маркезе каждый вечер героически продолжал путь, и до полуночи – несмотря на слабость от потери веса – все шло хорошо. Потом ему требовалось пару часов поспать, чтобы осилить еще один небольшой переход. Под утро мы разбивали бивуак. Обычно из нашего укрытия можно было видеть паломническую тропу, по которой почти непрерывным потоком шли богомольцы. Многие из них были очень странно одеты – но ни от кого прятаться им не приходилось. Счастливы! Судя по всему, ежегодно в одни только летние месяцы по этой дороге проходит около 60 тысяч человек... Об этом мы слышали еще в лагере, и теперь эта цифра казалась нам вполне правдоподобной.

Все перенесенные тяготы напрасны

После долгих блужданий около полуночи мы добрались до города и храмового комплекса Уттаркаши. В его узких переулках мы быстро заплутали. Так что Маркезе уселся с рюкзаками в каком-то темном углу, а я стал пытаться определиться с направлением. Через открытые двери храмов виднелись лампадки перед таращащимися в темноту статуями богов, и мне частенько приходилось быстро отпрыгивать в тень и прижиматься к стене, потому что монахи ходили от одного храма к другому. Мы потеряли больше часа, прежде чем нам удалось выбраться из этого города и снова выйти на паломническую тропу...

Из множества описаний путешествий, которые я прочел перед побегом, я знал, что скоро мы должны будем пересечь так называемую внутреннюю границу. Она проходит параллельно настоящей границе страны на расстоянии от ста до двухсот километров от нее, и для посещения этой зоны всем – за исключением постоянно проживающих там – необходимо иметь паспорт. И так как у нас паспортов не было, нам следовало особенно тщательно следить за тем, чтобы не приближаться к полицейским кордонам и пунктам досмотра.

Долина, по которой мы шли, слегка поднимаясь вверх, становилась по мере нашего продвижения все менее населенной. Теперь нам не составляло труда находить места для дневков. Часто я безбоязненно покидал укрытие при свете дня, чтобы принести воды. А один раз даже развел небольшой костерок и сварил овсяную кашу; тогда мы в первый раз за две недели поели горячей пищи.

Мы находились на высоте уже около 2000 метров и по ночам часто проходили мимо поселений бхутия. Это тибетские торговцы, которые летом держат маленькие лавочки в Южном Тибете, а зимой уходят в Индию. Многие из них проводят теплые месяцы в горных деревеньках на высоте от 3000 до 4000 метров, где возделывают ячмень. Эти поселения, которые мы видели по ночам, имели одно очень неприятное свойство: рядом с ними нам всегда попадались сильные и агрессивные тибетские псы – это длинношерстная порода средних размеров, с которой мы впервые столкнулись в этих краях.

* * *

Однажды ночью мы оказались в одной из таких бхутийских деревень, обитаемых только летом. В тамошних низеньких домиках с крышами, крытыми дранкой, придавленной камнями, почудилось нам что-то родное. А сразу за деревней нас ждал пренеприятный сюрприз: местность была как будто после наводнения, словно по ней недавно прошел селевой поток, а моста через ревущую реку, которая и опустошила все вокруг, мы, сколько ни искали, не обнаружили. Пересечь реку иным способом тоже оказалось невозможно. В конце концов мы прекратили поиски и решили понаблюдать за этим местом из укрытия, ведь невозможно было поверить, что здесь паломническая тропа внезапно обрывается. И действительно: уже ранним утром стали появляться паломники; к нашему великому удивлению, они пересекали реку именно там, где ночью мы тщетно пытались сделать это много часов подряд. Как именно они это делали, к сожалению, не было видно – лес закрывал обзор. Настолько же странным и необъяснимым нам показалось и то, что еще до полудня поток пилигримов иссяк.

На следующий вечер мы снова попытались перейти реку в том же месте. И нам это опять не удалось! Только тут наконец меня осенило: наверное, эта речка питается снегами. Такие реки наполняются водой из тающих ледников и получают наибольший объем воды в период с позднего утра до глубокой ночи. А ранним утром уровень воды в них ниже всего.

Все оказалось так, как я и предполагал: снова подходя к реке с первыми лучами солнца, мы увидели выглядывавший из воды примитивный мост из стволов деревьев. Осторожно балансируя по скользким бревнам, мы перебрались на другой берег. Но, к несчастью, дорогу нам преграждали все новые рукава, пересекающие которые было так же трудно. Я как раз благополучно переправился через последнее русло, когда Маркезе поскользнулся и упал в воду. Хорошо еще, что он ухватился за ствол, а то бы его унесло течением. На берег он вылез мокрый до нитки и совершенно без сил, и, сколько я ни бился, убедить его идти дальше мне не удалось. Несмотря на настойчивые уговоры дойти до леса, он распаковал свои вещи и стал разводить костер. Тут я в первый раз пожалел, что не послушался его неоднократных просьб дальше идти одному. Я всегда настаивал на том, что все тяготы мы должны переносить вместе...

Тут же около нас появился индеец и, едва взглянув на разложенные на земле европейские вещи, стал задавать вопросы. Только в этот момент Маркезе понял, насколько опасно наше положение. Он молниеносно упаковал вещи, но едва мы сделали пару шагов, как перед нами появился другой, очень статный индеец, за которым шли еще десять дюжих мужчин. Этот индеец на превосходном английском потребовал у нас паспорта. Мы сделали вид, будто не понимаем, и попытались выдать себя за паломников из Кашмира. Индеец подумал немного и пришел к мудрому решению, которое, к несчастью, означало конец нашего предприятия. Два кашмирца, сказал он, живут в соседнем доме, если мы с ними сможем объясниться, то он нас отпустит. Какое ужасное совпадение, что кашмирцы оказались в этих краях именно в это время! Я-то называл нас кашмирцами только потому, что встретить жителей Кашмира в этой местности – большая редкость.

Двое, о которых говорил статный индеец, были специалисты, вызванные сюда для борьбы с последствиями наводнения. Когда мы увидели этих людей, нам сразу стало ясно, что разоблачения не миновать. Как было условлено у нас с Маркезе для подобных случаев, я заговорил с ним по-французски. Но индеец тут же встрял в наш разговор, тоже перейдя на французский, и потребовал, чтобы мы открыли свои рюкзаки. Увидев мою английско-тибетскую грамматику, он настоятельно посоветовал нам сказать, кто мы такие. Тут мы признались, что мы беглецы, но раскрывать свою национальность не стали и заговорили с ним по-английски.

Хотя скоро мы уже сидели за чаем в уютной комнате, я был ужасно разочарован: на восемнадцатый день после побега из лагеря вдруг оказалось, что все перенесенные нами тяготы и лишения напрасны! Человек, который нас допрашивал, как выяснилось, заведовал всем лесным хозяйством округа Тихри-Гархвал. Он изучал лесоводство в университетах Англии, Франции и Германии и поэтому прекрасно владел языками этих стран. В эти места он прибыл с инспекцией из-за наводнения – такой катастрофы не случалось здесь последние сто лет. С улыбкой он посокрушался о своем присутствии в этих краях и о нашей встрече. Но так как подача рапортов о нарушении режима посещения этой зоны входит в его обязанности, ему придется выполнить свой долг.

Сегодня, обдумывая стечение обстоятельств, приведших к нашему аресту, я должен сказать, что это было действительно ужасное невезение, с которым мы ничего не могли поделать. И все же я ни минуты не сомневался, что устрою побег и отсюда. Но Маркезе был настолько измотан, что не хотел больше испытывать судьбу. Несмотря на это, он, зная, как туго у меня с финансами, по-товарищески отдал мне большую часть своих денег. Я постарался использовать день у начальника лесного хозяйства с максимальной для себя пользой: ел так плотно, как только мог, ведь до того мы уже несколько дней практически голодали. Повар хозяина дома все приносил нам новые кушанья, и половину их я прятал себе в рюкзак. В самом начале вечера мы сказали, что якобы очень устали и хотим спать. Нас отвели в спальную комнату и заперли за нами дверь, а на веранде под окном наш лесник приказал поставить свою кровать, чтобы отрезать нам и этот путь к бегству. Когда индеец на минутку отлучился, мы с Маркезе разыграли ссору – мы заранее в деталях обговорили этот ход. Маркезе грохотал вещами, кричал и

ругался попеременно высоким и низким голосом, как будто это мы оба яростно друг на друга орём. А я в это время выпрыгнул из окна на кровать лесника и подбежал к краю веранды. К этому моменту уже стемнело. Я выждал пару секунд, пока патрульные завернут за угол дома, и спрыгнул с четырехметровой высоты с сорокакилограммовым рюкзаком в руках. Земля внизу оказалась не очень твердая, так что удар получился не особенно громким. Я быстро оправился после падения и тут же скрылся за оградой сада в непроглядно темном лесу.

Я снова был свободен...

Вокруг стояла тишина. Несмотря на волнение, я не смог сдержать улыбки при мысли о Маркезе, который по нашему уговору продолжал ругаться в запертой комнате, и о начальнике лесного хозяйства, несшем вахту в кровати под окном...

Но нужно было двигаться дальше. Я очень волновался и по недосмотру вбежал в разлегшуюся на земле отару овец. Прежде чем мне удалось из нее выбраться, сзади мне в штаны вцепился пес и отпустил меня, только вырвав кусок ткани. Я так перепугался, что помчался по первой попавшейся тропинке, но скоро заметил, что она очень круто забирает в гору. Нет, так дальше не пойдет! Значит, нужно назад, обогнуть овец и продолжить путь по другой тропе. Чуть за полночь я обнаружил, что снова ошибся с направлением. И опять в безумной спешке мне пришлось возвращаться на пару километров назад. Из-за этих блужданий я потерял часа четыре, уже начинало светать. За одним из поворотов тропинки метрах в двадцати впереди я увидел медведя, но он, к счастью, потрусил дальше, не обратив на меня внимания. Когда совсем рассвело, я спрятался, хотя в этой местности не было видно следов присутствия человека. Но я знал, что перед тибетской границей должна быть еще одна деревня. И только за ней начнется свобода! Я шел всю следующую ночь и поднялся на высоту 3000 метров. Потихоньку я начал удивляться, почему же деревни все нет. Согласно моим самодельным картам, она должна была располагаться на другом берегу реки и к ней должен был вести мост. Может, я уже давно прошел это поселение? Но не заметить деревню не так-то просто, — успокоил я себя и беспечно продолжил путь, даже когда начало светать.

В этом была моя ошибка. Потому что, обогнув галечный откос, я оказался прямо перед домами той самой деревни и целой толпой яростно жестикулировавших людей. Это место было в моей карте неправильно нанесено, и, поскольку я ночью дважды сбивался с пути, моим преследователям удалось меня обогнать. Меня тут же окружили — чуть ли не все жители деревни стояли вокруг меня. Они потребовали, чтобы я добровольно сдался, а потом повели в один из домов и стали угощать.

Тогда я впервые столкнулся с тибетскими кочевниками, которые пасут овец и привозят в Индию соль, чтобы выменять ее на ячмень. И впервые отведал тибетского чая с маслом и *цампой*, основную пищу этого народа, которой мне потом пришлось питаться несколько лет. Но в первый раз мой желудок и кишечник откликнулись на эту непривычную еду довольно энергичным протестом.

В этой деревне — она называлась Нэлан — я провел две ночи. И хотя я сразу стал думать о новом побеге и даже обнаружил некоторые возможности для этого, я был пока слишком измотан и подавлен, чтобы воплотить их в жизнь.

Возращение обратно по сравнению с трудностями, перенесенными до сих пор, показалось чуть ли не увеселительной прогулкой. Нести ничего не нужно было, кормили меня очень хорошо и регулярно. Я снова встретился с Маркезе, который все еще оставался в гостях у начальника лесного хозяйства в его личном бунгало. Меня тоже туда пригласили. И представьте мое удивление, когда несколько дней спустя туда же были доставлены еще два беглеца из нашего лагеря. Так я снова встретил своего старого товарища по горной экспедиции Петера Ауфшнайтера. Второй был некий отец Каленберг.

Между тем я снова начал серьезно размышлять о побеге. Я свел дружбу с одним индийцем из нашей охраны, который готовил для нас. Он показался мне достойным доверия, и я

передал ему свои карты, компас и деньги, понимая, что в свете предстоящего личного досмотра не смогу все это пронести обратно в лагерь. Я договорился с этим человеком, что вернусь следующей весной и заберу свои пожитки. Он должен был взять отпуск в мае и ждать меня. Он клятвенно пообещал мне, что так и поступит. Затем началась обратная дорога в лагерь – скорбный путь, который я смог вынести только благодаря мыслям о новой попытке бегства.

Маркезе был все еще болен, он был не в силах идти пешком и ехал на лошади. В пути нас ждал небольшой приятный сюрприз: махараджа Тихри-Гархвала гостеприимно принял нас у себя и роскошно попотчевал. А потом мы снова двинулись к лагерю за колючей проволокой.

Эта попытка бегства оставила заметный след и на моей внешности: когда мы по дороге остановились у горячего источника и стали мыться в нем, я обнаружил, что волосы большими клоками остаются у меня в руках. Видимо, краска, которую я использовал, чтобы походить на индийца, была очень вредной.

После этой вынужденной смены прически и пережитых мною тягот побега некоторые товарищи по несчастью не сразу меня узнали, когда мы снова увиделись в лагере.

Дерзкий маскарад

«You made a daring escape. I am sorry, I have to give you twenty-eight days!»⁴ – сказал встретивший нас по возвращении полковник-англичанин.

Двадцать восемь дней я наслаждался свободой и теперь, в качестве наказания за попытку бегства, должен был провести двадцать восемь дней в одиночной камере. Но так как англичане не отказывали этому «дерзкому побегу» в некотором героизме, условия моего наказания соблюдались не столь строго, как это бывало обычно.

Отбыв назначенный срок одиночного заключения, я узнал, что Маркезе пришлось отсидеть столько же одному в другом конце лагеря. Он пообещал помочь мне с новым побегом, но сам наотрез отказался в нем участвовать. Не теряя ни дня, я начал рисовать себе новые карты и обдумывать полученный в процессе неудачной попытки опыт. В успехе своего нового плана я был почти убежден. На этот раз я решил идти один.

Зима быстро прошла за разными приготовлениями, и я встретил новый «сезон побегов» во всеоружии. В этот раз я хотел начать пораньше, чтобы пройти деревню Нэлан, пока она еще необитаема. На возврат доверенных индийцу вещей я не стал полагаться, а заново раздобыл все необходимое. Трогательным свидетельством лагерного братства стали денежные вспомоществования, которыми меня оделяли товарищи по несчастью, хотя каждый из них мог потратить эти сбережения на собственные нужды.

Конечно, не только я думал бежать из лагеря. Два моих лучших друга, Рольф Магенер и Хайнс фон Хафе, тоже готовили побег. Оба они отлично говорили по-английски и хотели через Индию добраться до бирманского фронта. Хафе двумя годами ранее уже пытался бежать с одним товарищем и практически добрался до Бирмы, но неподалеку от границы их схватили. При второй попытке бегства его спутник погиб. Другие обитатели лагеря – три или четыре человека – тоже строили планы побега. В конце концов мы собрались всемером и решили бежать из лагеря вместе, ведь несколько одиночных побегов заставили бы руководство лагеря усилить меры безопасности, что усложнило бы задачу для тех, кто окажется не первым. В случае удачи нашего предприятия дальше каждый мог действовать сообразно собственным планам. Петер Ауфшнайтер, который на этот раз планировал побег совместно с уроженцем Зальцбурга Бруно Трайпелем, а также берлинцы Ганс Копп и Заттлер намеревались, как и я, направиться в Тибет.

Операция была назначена на вторую половину дня 29 апреля 1944 года. Наш план состоял в том, чтобы переодеться в костюмы рабочих, ремонтирующих ограду лагеря. Ремонтные бригады были для всех привычным зрелищем: столбы ограды лагеря постоянно подтачивали полчища белых муравьев, и забор приходилось непрестанно ремонтировать. Ремонтная бригада состояла из нескольких индийцев и одного англичанина, который над ними надзирал.

В назначенное время мы собрались в маленьком сарайчике поблизости от – мы точно это выяснили – практически не охраняемого коридора из колючей проволоки, и наши гримеры в мгновение ока превратили нас в смуглокожих индийцев.

Хафе и Магенер получили форму английских офицеров, которую мы тайно сами сшили в лагере. А нам, «индийцам», остригли головы и надели тюрбаны. И хоть ситуация была очень серьезная, взглянув друг на друга, мы не смогли сдержать смеха. Потому что выглядели мы так, будто собрались на карнавал. Двое из нас взяли лестницы, которые мы принесли в этот неохраемый коридор еще предыдущей ночью. Кроме того, мы раздобыли большой кусок колючей проволоки и накрутили его на один из столбов. Нехитрые пожитки спрятали частично

⁴ «Вы совершили дерзкий побег. К сожалению, я вынужден назначить вам двадцать восемь суток!» (англ.) – Примеч. перев.

под широкие одеяния, а частично увязали в узлы. Это не должно было привлечь внимание, потому что индийцы постоянно что-то таскают с собой.

Два наши «английских офицера» выглядели совершенно как настоящие. Под мышками они держали свернутые в трубочки строительные планы и с надменным видом поигрывали своими офицерскими тросточками. В ограждении мы заранее проделали дыру, через которую теперь один за другим проскальзывали в неохраняемый проход, отделявший друг от друга разные флигели лагеря. Оттуда было еще метров триста до главных ворот. Мы совершенно не привлекали внимания. Только один раз мы остановились, и «офицеры» принялись внимательно осматривать состояние ограждения – когда недалеко от главных ворот проехал старший сержант на велосипеде. А потом мы глазом не моргнув прошли мимо караульных, которые молодежато отдали честь офицерам, а нас, чернорабочих, не удостоили и взглядом. Наш последний, седьмой товарищ, Заттлер, который несколько задержался в бараке, бежал сзади, весь вымазанный черным, усердно размахивая ведром со смолой. Догнать нас ему удалось только за воротами лагеря.

Едва оказавшись вне поля зрения караульных, мы шмыгнули в кусты и скинули свои маскарадные костюмы. Под ними у нас была форма цвета хаки, обычная наша одежда во время прогулок. Без лишних сантиментов мы попрощались друг с другом. С Хафе и Магенером мы пробежали вместе несколько миль, а потом наши пути разошлись. Я намеревался двигаться той же дорогой, что и в прошлый раз. Я старался не терять ни минуты, чтобы к утру оказаться как можно дальше от лагеря. В этот раз я намеревался строго придерживаться правила идти только в темное время суток, а на рассвете искать укрытия. Нет, больше мне рисковать не хотелось! Четверо моих товарищей, которые тоже выбрали себе целью Тибет, не стали разделяться и решили дерзко двигаться по главной дороге, идущей через Массури в долину Ганга. Я на такое не отважился и двинулся своим прежним путем через долины Джамны и Аглара. В первую ночь мне пришлось идти по Аглару вброд не меньше сорока раз, но, несмотря на это, к утру я остановился точно в том месте, до которого мы в прошлый раз добрались только на четвертый день – так быстро у меня получалось продвигаться в одиночку. Я был счастлив, что наконец оказался на свободе, и очень доволен своими успехами – не важно, что я был весь в ссадинах и ранах и за одну ночь, из-за тяжелого груза за плечами, до дыр износил пару новых теннисных туфель.

Для первой стоянки я выбрал себе место между валунами в русле реки. Но едва я распаковал вещи, как недалеко от меня показалась стая обезьян. Увидев меня, они начали с пронзительными воплями кидаться комьями земли. Из-за обезьяньего крика я не заметил, что на берег реки вышли три десятка индийцев, – обнаружил их только тогда, когда они были уже в опасной близости от моего укрытия. Я до сих пор не знаю, были ли это просто рыбаки, которые случайно проходили мимо, или эти люди действительно искали нас, беглецов. В любом случае я едва мог поверить своему счастью, когда они удалились, пройдя всего в нескольких метрах от моего укрытия. Я вздохнул с облегчением... Этот случай стал мне хорошим уроком, так что я просидел в укрытии до глубокого вечера и отправился дальше только после наступления темноты. Всю ночь я шел вдоль Аглара и проделал солидный путь. Следующая дневка прошла без приключений. Мне удалось как следует отдохнуть и восстановить силы. К вечеру меня охватило нетерпение, и я двинулся в путь несколько раньше, чем следовало. Едва пройдя пару сотен метров, я до смерти напугал индианку, пришедшую к реке за водой. С криком ужаса она выронила глиняный кувшин и бросилась к ближайшим домам. Я сам перепугался не меньше нее и тут же свернул с основного маршрута в боковую долину. Местность там круто шла вверх, и, хотя я знал, что в итоге выйду куда надо, все же это был утомительный крюк на много часов. Мне пришлось перевалить через гору Наг-Тибба высотой 3000 метров, верхняя часть которой совершенно безлюдна и покрыта густым лесом.

На рассвете, уже порядком усталый, я продолжал идти и вдруг увидел перед собой первую в своей жизни пантеру. У меня чуть не остановилось сердце, потому что я был безоружен. Единственным моим средством защиты был большой нож, который специально для меня изготовил лагерный кузнец, а я привязал к длинной палке. Пантера сидела, готовая к прыжку, на толстой ветке, метрах в пяти над землей. Мгновение я думал, как поступить, потом поборол страх и спокойно пошел дальше. Ничего не произошло. Но еще долго я не мог отделаться от неприятного чувства.

До сих пор я двигался по хребту Наг-Тибба, а теперь наконец вернулся на свой основной маршрут. Через пару километров меня ждал еще один сюрприз: прямо около тропы лежали несколько мужчин и мирно посапывали. Это были Петер Ауфшнайтер и еще трое товарищей из лагеря! Я их растолкал, мы вместе нашли укрытие и, наслаждаясь чудесным видом, открывавшимся с этого места, стали беседовать, делясь тем, что успели пережить с тех пор, как расстались. Мы все были в отличном расположении духа и твердо верили, что нам удастся добраться до Тибета. После дня, проведенного в обществе друзей, продолжать путь в одиночестве стало особенно тяжело. Но я остался верен своему плану. После расставания с товарищами я в ту же ночь добрался до Ганга. Это был пятый день после побега из лагеря.

Перед храмовым комплексом Уттаркаши, о котором я уже упоминал, рассказывая о своем первом побеге, мне снова пришлось спастись бегством. Только я прошел мимо какого-то дома, как из него вышли двое мужчин и погнались за мной. Опрометью промчался я через поля и заросли кустов вниз, к Гангу, и спрятался там между валунов. Все было тихо – мне удалось благополучно оторваться от преследователей. Но вновь выйти на лунный свет я отважился далеко не сразу. Идти по уже знакомой дороге было настоящее удовольствие, меня переполняла такая радость от быстрого движения вперед, что я даже не чувствовал тяжелого рюкзака за плечами. И хотя ноги у меня были стерты в кровь, днем мне удавалось хорошо отдохнуть. Часто я спал по десять часов не просыпаясь.

Так, без особых приключений, я добрался до дома моего индийского друга, того самого, который год назад принял у меня на хранение деньги и вещи. Уже наступил май, а мы как раз договаривались, что он в этом месяце будет ждать меня каждую полночь. Я специально не стал сразу подходить к дому, а сначала надежно спрятал свой рюкзак – ведь предательство было все же вполне вероятно.

Луна ярко освещала дом. Я спрятался в тени хлева и дважды тихо позвал своего друга по имени. Тут дверь распахнулась, он бросился ко мне, упал на землю и стал целовать мне ноги. По щекам его текли слезы радости. Он сразу провел меня в уединенную комнату с огромным замком на двери, засветил лучину и открыл какой-то сундук. В нем лежали все мои вещи, бережно зашитые в чистые хлопковые мешки. Глубоко тронутый его верностью, я распаковал свои пожитки и вознаграждал этого человека. А потом воздал должное еде, которой он меня стал потчевать. Я попросил его к следующему дню раздобыть мне продуктов и шерстяное одеяло. Он пообещал выполнить это и в придачу подарил мне шерстяные штаны и шарф домашней вязки.

Следующий день я проспал в ближайшем лесу, а вечером пошел забирать свои вещи. Мой друг еще раз щедро накормил меня, а потом немного проводил. Он нес часть моих вещей и не поддавался на уговоры отдать их все-таки мне. А бедняга был совсем тощий от недоедания, и ему было тяжело идти в моем темпе. Так что скоро я попросил его повернуть назад и после сердечного прощания снова остался один.

* * *

Наверное, было немного за полночь, когда произошла очень неприятная встреча: вдруг прямо передо мной, посреди тропинки, вырос медведь. Он стоял на задних лапах и рычал. Мы

не слышали приближения друг друга из-за шума Ганга. Я направил свое примитивное копье на сердце зверя и потихоньку попятился, не спуская с него глаз. За первым же поворотом тропинки я быстро развел костер, выхватил из огня горящую палку и, размахивая ею перед собой, отважился вернуться к месту встречи с медведем. Но там уже никого не было. Потом я узнал от тибетских крестьян, что медведи нападают только при свете дня, а ночью они сами всего боятся.

После десяти дней пути я снова добрался до деревни Нэлан, которая год назад стала для меня роковой. Но на этот раз я вышел на месяц раньше, и жителей в деревне еще не было. Но как же я был рад снова встретить там четверых своих товарищей по лагерю! Они обогнали меня, пока я останавливался у своего индийского друга. Мы расположились в одном из открытых домов и первую ночь проспали без помех. К сожалению, у Заттлера случился приступ горной болезни, он чувствовал себя кошмарно и был не в силах продолжать путь. Он решил вернуться, но пообещал нам сдать властям не раньше чем через два дня, чтобы не подвергать нас опасности. Копп, который в прошлом году вместе с профессиональным борцом Кремером этим же путем добрался до Тибета, присоединился ко мне.

Но до перевала, по которому проходит граница между Индией и Тибетом, мы вчетвером добрались только через семь долгих ходовых дней. Эта проволочка произошла из-за ужасной ошибки: от стоянки Тирпани мы двинулись вверх по самой восточной из трех долин, но скоро поняли, что ошиблись дорогой. Чтобы сориентироваться, мы с Ауфшнайтером поднялись на вершину, откуда должны были хорошо просматриваться окрестности. С этой высоты мы впервые увидели перед собой Тибет. Правда, мы слишком выбились из сил, чтобы в полной мере насладиться этим долгожданным зрелищем. А кроме того, давал о себе знать недостаток кислорода, ведь находились мы на высоте около 5600 метров. К огромному нашему разочарованию, выяснилось, что придется возвращаться обратно до самого Тирпани. А оттуда до перевала рукой подать. Эта ошибка стоила нам трех дней пути, что, конечно, не способствовало особому душевному подъему. Чертыхаясь, мы двинулись обратно к разветвлению долин. Провизия была у нас строго распределена по дням, так что мы начали беспокоиться, хватит ли нам еды, чтобы добраться до следующего населенного пункта.

От Тирпани мы пошли, слегка поднимаясь вверх, по бесснежным лугам вдоль питающегося ключами ручья, одного из притоков Ганга. Еще неделю назад это был бурный поток, который с оглушительным шумом низвергался в долину, а теперь он змеился тихим ручейком по предвесенним заливным лугам. Через несколько месяцев все здесь зазеленеет, а стоянки, пока различимые только по закопченным камням, давали представление о том, как летом через горные перевалы тянутся караваны из Индии в Тибет.

Вдруг нашу тропу пересекла отара горных овец. Грациозно подпрыгивая, словно серны, они скрылись из виду, даже не заметив нас. К сожалению, исчезнув из виду, они избежали и наших желудков. А мы с таким удовольствием отправили бы одну такую овечку в котелок и наконец досыта поели! Еще долго после этого происшествия воображение рисовало нам разнообразные картины охоты.

У подножия перевала мы разбили свой последний лагерь в Индии. И вместо того, чтобы порадоваться полным мискам бараньей похлебки, о которой столько мечталось, нам пришлось довольствоваться лишь несколькими лепешками, испеченными на горячих камнях. Было очень холодно, от колючего гималайского ветра, дувшего по всей долине, нас защищали лишь каменные глыбы.

Это было 17 мая 1944 года. В этот достопамятный день мы наконец достигли высоты перевала Цанчок-Ла.⁵ Из карт мы знали, что высота этого перевала 5300 метров. Наконец мы достигли границы между Индией и Тибетом, о котором столько грезили, и теперь ни один

⁵ Ла в переводе с тибетского означает «горный перевал». — *Примеч. ред.*

англичанин не мог нас арестовать. Мы наслаждались давно забытым чувством безопасности. Мы не знали, как с нами поступят тибетские власти, но, так как наша родина не воевала с Тибетом, мы, конечно, надеялись на приветливый прием.

Перевал был отмечен грудой камней, украшенной молитвенными флагами, которые благочестивые буддисты посвящают своим богам. Хотя было очень холодно, мы сделали в этом месте долгий привал, чтобы отдохнуть и обдумать свое положение. Местного языка мы почти не знали, денег у нас было очень мало, но самое главное – совсем закончились съестные припасы, нас мучил голод, и поэтому нужно было как можно скорее добраться до какого-нибудь поселения. Но насколько хватало глаз, вокруг были лишь пустынные долины и горы. Правда, судя по картам, на нашем пути должны были повстречаться какие-то деревни.

Нашей главной целью, как я уже упоминал, были удаленные еще на тысячи километров от этих мест японские рубежи. Наш план состоял в том, чтобы добраться сначала до священной горы Кайлас, а оттуда, двигаясь вдоль берегов Брахмапутры, достичь Восточного Тибета. По словам нашего товарища Коппа, который в ходе прошлогоднего побега добрался до Тибета, но был выслан обратно, наши карты оказались довольно точны.

Преодолев очень крутой спуск, мы вышли к руслу Опчу, где сделали полуденный привал. Отвесные горные стены возвышались со всех сторон долины, образуя каньон. Никаких поселений здесь не было, и только забытый посох указывал на то, что иногда через эти места проходили люди. С другой стороны долины поднимались стены из крошащихся пород, на которые нам теперь предстояло взобраться. Темнеть начало еще до того, как мы достигли плато, и мы снова разбили холодный бивуак. На протяжении нескольких последних дней в качестве топлива мы использовали только колючие кустики, скудно росшие по склонам. Но здесь не было и их, так что на жалкий костерок пошли несколько с трудом найденных сухих коровьих лепешек.

Тибет не терпит чужаков

На следующий день, еще до полудня, мы добрались до первой тибетской деревни под названием Касапулин. Это поселение состояло из шести совершенно заброшенного вида домов, и, когда мы стали стучать, внутри ничего не шелохнулось.

Потом мы обнаружили, что все жители прилежно трудятся на окрестных полях, засевают их ячменем. Согнувшись в три погибели, они быстро, как машины, клали в землю зернышко за зернышком. Вид этих людей вызвал в нас чувства, подобные тем, что должен был испытывать Христофор Колумб, впервые встретив американских туземцев. Как они нас примут? Дружелюбно или враждебно? Впрочем, поначалу они вовсе нас не замечали. До нас не доносилось никаких звуков, кроме криков похожей на ведьму старухи. Но и их причиной были не мы, а бесчисленные дикие голуби, готовые наброситься на только что засеянную землю. До самого вечера местные жители не удостоили нас и взглядом. Так что в конце концов мы встали лагерем неподалеку от одного из домов и, как только с наступлением темноты люди начали возвращаться с полей, предприняли попытки вступить с ними в торговые отношения. Мы предложили им деньги и хотели получить в обмен одну из их овец или коз. Но местные жители держались очень настороженно и не желали ничего нам продавать. Так как в Тибете не существует пограничных застав, здесь с детства привыкли сторониться чужаков, а что-либо продавать иноземцам запрещено под страхом сурового наказания. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как припугнуть их, иначе бы нам пришлось голодать. Мы пригрозили, что отберем животное силой, не заплатив, если они нам добровольно ничего не продадут. И так как выглядели мы все четверо довольно крепкими, в итоге это сработало. Уже совершенно стемнело, когда они наконец согласились отдать нам за неслыханную сумму старого козла, которого еще надо было пригнать. Хотя было понятно, что нас надули, мы ничего не сказали, стремясь установить насколько возможно дружеские отношения с местными жителями.

Нашего «золотого» козла мы зарезали в каком-то хлеву и уже после полуночи, голодные как волки, смогли отведать полусырого мяса.

Следующий день мы посвятили отдыху и более внимательному осмотру домов. Они были построены из камня, с плоскими крышами, на них было разложено и сушилось то, что здесь использовали в качестве топлива. Жившие в этих краях тибетцы были совсем не похожи на обитателей внутренней части страны, с которыми мы познакомились позже. Торговля с Индией и регулярно проходящие здесь караваны совершенно испортили их. Они грязны и смуглы, их узкие глазки беспокойно бегают. Веселости, которой славится этот народ, у этих людей нет и в помине. Все дела они исполняют нехотя. В этих краях они поселились только потому, что в сезон прохода караванов на продаже продуктов сельского хозяйства здесь можно выручить хорошие деньги. А еще эти шесть домов у границы, как выяснилось позже, были чуть ли не единственной деревней без монастыря.

На следующее утро мы без помех покинули это негостеприимное место. Нам удалось отдохнуть, и теперь Копп, в полной мере наделенный берлинским остроумием, то и дело смешил нас.

Дорога шла по полям вверх, через небольшую долину. При подъеме на следующее плато груз все сильнее давил нам на плечи. Так наши тела отзывались на разочарования, которыми до сих пор щедро одаривал нас край, о котором мы столь долго грезили. Эту ночь нам пришлось провести в неприветливом овраге, который едва мог защитить нас от ураганного ветра.

Еще в самом начале нашего совместного путешествия мы распределили между собой обязанности. Ведь даже принести воды, развести костер и приготовить чай в таком холоде – задачи не из легких. Каждый вечер мы опустошали рюкзаки, чтобы ночью прятать в них ноги. И вот когда в тот вечер я вытряхивал свой рюкзак, раздался небольшой взрыв: мои спички

загорелись от трения друг о друга, что недвусмысленно указывало на то, что нас уже оведал сухой воздух Тибетского нагорья.

Заброшенные пещерные монастыри

Пейзаж, характерный для Тибетского нагорья: покрытые снегом вершины гор, деревня из нескольких домов, построенных из дерна и глины, на крышах везде молитвенные флаги

Паломники на пути в Лхасу. Многие измеряют путь длиной собственного тела. Палочки благовоний и мешок с цампой – весь их «багаж»

На рассвете мы смогли как следует осмотреться. Теперь стало понятно, что ночевали мы не в овраге, а в рукотворной яме: углубление было правильной круглой формы и с отвесными стенками. Видимо, изначально оно использовалось для ловли зверей. За нами лежали Гималаи с правильной заснеженной пирамидой Камета, перед нами – все еще гористая, изборрожденная морщинами местность. Мы спустились по лессовому склону и около полудня пришли к деревне Душан. Снова всего несколько домов, столь же негостеприимные жители, как и в первой деревне. Ни за деньги, ни за добрые слова нам ничего не удалось там получить. Тщетно Петер Ауфшнайтер пытался применить познания, накопленные за годы изучения местного языка, тщетно мы пытались объясниться жестами.

Зато в этом месте мы впервые увидели настоящий тибетский монастырь. С лессовых стен на нас глядели темные дыры, а на вершине холма виднелись развалины огромного здания. Видимо, когда-то здесь жили сотни монахов, а теперь в одной из построек, сохранившейся с прежних времен, ютились несколько богомольцев, которых мы, правда, так и не увидели. На террасе перед монастырем рядами стояли выкрашенные красной краской могильные памятники.

Расстроенные, мы ушли к себе в палатку, которая стала для нас словно бы маленьким родным домом в этом интересном, но почему-то враждебном мире.

В Душане тоже не нашлось никаких представителей власти, к которым мы могли бы обратиться с просьбой о разрешении на пребывание в стране или ином документе. Но, как оказалось, мы рано стали об этом жалеть, потому что представители власти сами выехали нам навстречу. Когда мы выступили в путь на следующий день, Ауфшнайтер и Трайпель шли немного позади, а мы с Коппом двигались в авангарде. Вдруг мы услышали звон бубенчиков. Перед нами появились двое вооруженных мужчин верхом на низкорослых лошадях. Они остановились и на местном наречии стали требовать, чтобы мы сейчас же возвращались туда,

откуда пришли, – в Индию. Мы уже знали, что речами тут ничего не добьешься, поэтому энергичными движениями оттеснили ошеломленных мужчин к краю дороги и продолжили свой путь. К счастью, они не воспользовались своим оружием, видимо решив, что мы тоже вооружены. После пары слабых попыток задержать нас, они ускакали. Мы спокойно добрались до следующего поселения, где, как нам было известно, находилась резиденция губернатора округа.

Местность, по которой мы двигались в этот день, была безводна и пустынна, нигде ни души. В центре этого района, небольшом городке Цапаран, жили только зимой, и, спросив, как найти губернатора, мы узнали, что он как раз собирает вещи, чтобы переезжать в летнюю резиденцию в Шанце. Мы были очень удивлены, узнав в губернаторе одного из двух вооруженных мужчин, которые требовали, чтобы мы вернулись в Индию. Поэтому принял он нас не особенно радушно, нам едва удалось уговорить его дать нам немного муки в обмен на лекарства. Маленькая аптечка, которую я носил с собой в рюкзаке, спасла нас в этот раз и еще не единожды сослужила нам хорошую службу.

В конце концов губернатор указал нам на пещеру, где можно было переночевать, и еще раз потребовал, чтобы мы покинули страну тем же путем, каким пришли. Если мы согласимся на это, он пообещал нам бесплатно дать провиант и транспорт для обратной дороги. Мы отвергли его предложение и попытались объяснить, что Тибет как нейтральное государство должен предоставить нам убежище. Но ума и компетенции у него было недостаточно, чтобы это понять. Тогда мы предложили ему передать решение нашего вопроса чиновнику более высокого ранга, монаху, который жил в Тулине, всего в восьми километрах от этого городка.

Вообще-то, Цапаран – достопримечательное место. Из литературы, которую я изучил в лагере, я знал, что здесь находилась первая католическая миссия в Тибете. Португальский иезуит Антониу ди Андраде в 1624 году основал в этом городке католическую общину и, по моим сведениям, даже построил церковь. Мы стали искать следы или руины этого храма, но ничего похожего нам обнаружить не удалось. Мы нашли только бесчисленные пещеры, которые указывали на прежнее величие Цапарана. По собственному опыту мы легко могли представить, насколько трудно приходилось тут португальскому падре.

Во время наших исследовательских экспедиций по руинам мы обнаружили одну деревянную дверь, которая показалась нам занятной. Мы распахнули ее и в ужасе отскочили назад: из темноты на нас смотрели огромные глаза гигантского Будды. Статуя была позолоченная и уходила глубоко вниз пещеры.

На следующий день мы отправились в Тулин, чтобы поговорить с упомянутым чиновником-монахом. В этом городке мы снова встретились с Ауфшнайтером и Трайпелем, которые несколько отклонились от нашего маршрута. Вместе мы стали искать настоятеля монастыря – этого самого чиновника. Но и он остался глух к нашей просьбе позволить нам продолжать движение на восток и соглашался продать нам съестных припасов только в том случае, если мы двинемся в Шанце, который находится на пути в Индию. Нам не оставалось ничего другого, как принять это предложение, потому что еды у нас не осталось вовсе.

Кроме этого монаха, в Тулине был еще один светский чиновник, но с ним нам повезло еще меньше. Он яростно отверг все наши попытки завязать разговор и к тому же постарался настроить местное население против нас. Нам пришлось заплатить большие деньги за кусок прогорклого масла и тухлого мяса. Небольшая вязанка дров стоила нам целую рупию. Единственное приятное воспоминание, которое осталось у нас от Тулина, – чудесный вид на монастырь, позолоченные островерхие крыши которого так и сияли в солнечных лучах на высоком берегу над водами Сатледжа. Этот второй по величине монастырь в Западном Тибете казался почти заброшенным, потому что из двух сотен монахов, которых он мог принять, жило в нем только около двадцати.

Так как в конце концов мы пообещали, что отправимся в Шанце, нам выдали четырех ослов для перевозки багажа. Сначала мы удивлялись, что нас отпускают без охраны, в сопровождении одного только погонщика. Но скоро поняли, что в Тибете распространен самый простой в мире способ контроля за перемещениями иностранцев по стране: продажа съестных припасов чужакам разрешена только при наличии у них письменного разрешения от властей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.